

Х Р О Н И К А

XVIII ВЕК В «БИБЛИОТЕКЕ ПОЭТА»

Издательство писателей в Ленинграде предприняло по инициативе Максима Горького и под его общей редакцией издание «Библиотеки поэта». Каждый из выпусков «Библиотеки» будет заключать полное или избранное собрание стихотворений какого-либо поэта, подбор произведений поэтов одной школы, произведений одного жанра и т. д. Нет сомнения, что издание это будет крупным событием нашей литературной и литературоведческой жизни. Оно не только познакомит советский писательский молодежь, а за ним и широкие читательские массы с наследием классической русской поэзии, но и поможет новому осмыслению этого наследия. С этой точки зрения особо важное значение приобретает развернутый комментаторский аппарат, которым снабжен каждый выпуск «Библиотеки»: вступительные статьи, пояснительные примечания, словари, библиография. Самый текст произведений, вновь научно обработанный, даст возможность полнее и четче осознать классовое лицо и творческий метод того или иного поэта. Не говорим уже о том, какое большое значение имеют включаемые в различные выпуски «Библиотеки» поэтические тексты, публикуемые впервые.

Хронологический диапазон издания чрезвычайно широк—все оно должно охватить поэтическое наследие прошлого, от Тредиаковского до XX века.

XVIII столетию в «Библиотеке» отведено не последнее место.

В качестве первого ее выпуска в настоящее время вышел том избранных стихотворений Державина. Здесь помещена статья Максима Горького о целях и задачах издания. Редакция текстов и комментариев принадлежат Г. А. Гуковскому, вступительная статья о творчестве Державина написана И. Виноградовым. Том содержит ряд неизданных до сего времени стихотворений Державина. Кроме вступительной статьи и комментария дана биографическая канва, краткая библиографическая сводка, словарь архаизмов и мифологических понятий.

Находится в производстве следующий выпуск «Библиотеки», представляющий собою собрание избранных стихотворений Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова. Том этот, объединяющий произведения трех поэтов-антагонистов середины XVIII в., строится следующим образом.

СИЛУЭТ Г. Р. ДЕРЖАВИНА, СДЕЛАННЫЙ ЕГО ЖЕНОЙ Е. Я. ДЕРЖАВИНОЙ

Институт Русской Литературы, Ленинград

Из иллюстраций к «Стихотворениям» Державина (1933 г.)

В начале идет вступительная статья С. М. Бонди обо всех трех поэтах. Далее дается биографическая справка о Тредиаковском, снабженная необходимыми библиографическими указаниями, и его стихотворные тексты. Необходимо отметить, что этот поэт вовсе не известен советскому читателю, хотя бы уже по одному тому, что до сих пор не существовало сколько-нибудь научного издания его сочинений. При подготовке настоящего выпуска «Библиотеки» пришлось извлекать его стихотворения из отдельных редких изданий XVIII в., из предисловий к прижизненным изданиям его ученых переводов. Трудность текстовой работы усугублялась еще тем, что Тредиаковский часто и значительно перерабатывал свои вещи и что каждый раз поэтому приходилось особо выяснять, какую из существующих редакций следует принимать за основную.

Открывается этот раздел сборника ранними силлабическими стихотворениями Тредиаковского, далее следуют стихотворения переходной поры—с 1735 по 1750 г., затем стихи из его «Сочинений и переводов» (1752), «Аргениды» (переводные), наконец отрывки из «Телемахида», дающие материал к характеристике политического мировоззрения Тредиаковского. В виде приложения даны переводы на русский язык французских стихотворений Тредиаковского и одного латинского стихотворения, сделанные специально для «Библиотеки» М. А. Кузьминым.

Ломоносов представлен в сборнике своими одами, надписями, отрывками из «Петра Великого», сатирическими стихами, эпиграммами и т. д. Так же как и о Тредиаковском, собранию его текстов предпослана биографическая заметка о нем. Тексты Ломоносова пришлись также заново сверять с прижизненными изданиями и рукописями, так как старое академическое издание, редактировавшееся в части художественных произведений Ломоносова М. И. Сухомлиновым, уже не может удовлетворить современным научным требованиям.

Сумароков представлен в сборнике особенно широко. Учтены и его оды различных видов, и элегии, и песни, и эпистолы, и сонеты, и сатиры, и басни, и эпиграммы, и литературные пародии, и т. д. Тексты Сумарокова, так же как и тексты Ломоносова, печатаются в последней прижизненной редакции. В данном случае принцип этот не всегда может быть признан бесспорным.

Завершают сборник три перевода каждого из представленных в нем поэтов оды Ж.-Б. Руссо «К счастью», за которыми следует комментарий. Общая редакция сборника принадлежит акад. А. С. Орлову.

Один из дальнейших выпусков «Библиотеки» посвящен «Ирои-комической поэме XVIII века». Редакция текста и комментарий принадлежат здесь Б. В. Томашевскому, вводяная статья—В. А. Десницкому. Жанр этот представляет большой интерес не только в плане собственно литературном, но и по заключенному в такого рода произведениях обильному бытовому материалу, а также и потому, что обычно в них отчетливо выступает социальное мировоззрение их авторов. Кроме того такие произведения были обычным полем битв различных литературных школ и направлений.

На протяжении XVIII в. комическая поэма развивалась в двух направлениях, связанных с различными литературными установками тех или иных социальных групп. С одной стороны, это—собственно

ирои-комическая поэма Майкова, Чулкова, с другой стороны—поэмы «наизнанку»: произведения Осипова, Котельницкого, Наумова, Люценко. Особо стоит поэма начала XIX в.

В соответствии с этим сборник распадается на три части, каждой из которых предпосылается особая вступительная заметка. Первая часть включает поэмы Майкова—«Игрок Ломбера» и «Елисей или раздраженный вахс», произведения Чулкова—«Стихи на качель», «Стихи на семик», «Плачливое падение». И о Майкове, и о Чулкове даны небольшие заметки. Второй раздел книги содержит произведения Осипова «Вергилиева Энеида, вывороченная наизнанку» (части 1—4), продолжение той же поэмы Котельницкого (части 5—6), «Ясон, похититель золотого руна во вкусе нового Енея. Российское сочинение» Наумова, «Похищение Презерлинны» Люценко.

О каждом из этих поэтов также даны небольшие заметки. Наконец последний раздел сборника содержит поэмы Василия Пушкина «Опасный сосед» и Шаховского «Расхищенные шубы». Затем следуют примечания и словарь.

К этому же циклу выпусков «Библиотеки» примыкает сборник стихотворений поэтов Вольного общества любителей словесности, наук и художеств под редакцией и с примечаниями В. Н. Орлова. Так как материал этот вводится в научный обиход по существу впервые, считаем необходимым остановиться на нем несколько подробнее.

Вольное общество любителей словесности, наук и художеств, основанное группой молодых литераторов в 1801 г. (первое время оно называлось Обществом любителей изящного), до настоящего времени не изучено ни в его составе, ни в его литературной продукции. История русской литературы незаслуженно обошла своим вниманием таких примечательных поэтов, как Пнин, Востоков, Беницкий, Каменев, Попугаев, Борн, Алексей Волков и др. Между тем группа этих поэтов занимала видное положение в литературно-общественной жизни восьмидесятых годов и сыграла очень крупную роль в истории развития радикально буржуазных идей в России. В свое время литераторы Вольного общества являлись прямыми (и единственными) наследниками русских вольнодумцев XVIII ст. В литературной практике Пнина, Попугаева, отчасти Востокова и ряда других менее заметных поэтов Вольного общества отчетливо различаются также корни той боевой «гражданской» поэзии, которая позже, в эпоху 1810—1820 гг., нашла свое выражение в творчестве Рылеева, Вл. Раев-

ского, Кюхельбекера и других декабристских поэтов. Философские и социально-политические мнения поэтов и публицистов Вольного общества слагались под влиянием идей просветительной литературы XVIII в. Почти все они не только читали, но и переводили философские,

В. И. МАЙКОВ

Портрет маслом неизвестного художника
Институт Русской Литературы, Ленинград

этические, политико-экономические, юридические, педагогические и исторические труды виднейших радикалов—буржуазных идеологов; все без исключения «исповедывали» руссоизм не только как литературную, но и как социально-политическую доктрину, с его критикой «неравенства» и проповедью «естественной свободы»; некоторые из них (Пнин) усвоили четкое материалистическое мировоззрение. Группа поэтов Вольного общества интересна также и по своей социальной природе: это—мелкопоместные служилые дворяне и главным образом ранние представители различно-демократической интеллигенции («незаконные» отпрыски благородных фамилий, выходцы из купеческих, мещанских и духовных кругов), занимавшие резко обособленное положение в дворянской литературе начала XIX в. И, наконец, творческое насле-

дие поэтов Вольного общества в корне меняет традиционные представления о литературном движении 1790—1800-х годов, расширяет и дифференцирует вопрос о классовой природе русского сентиментализма, заново ставит проблему зарождения преромантического стиля. Кроме того и по своим художественным достоинствам стихотворения таких хотя бы поэтов, как Пнин, Востоков и Беницкий, занимают далеко не последнее место в ряду памятников «классической» русской литературы.

Поэты Вольного общества забыты весьма основательно. Только двое из них (Востоков и Остолопов) удосужились при жизни издать собрания своих стихотворений, впрочем далеко не исчерпывающие их литературного наследия. Стихотворения всех остальных поэтов никогда не были собраны воедино, они остаются погребенными в малодоступных старинных журналах и сборниках и до настоящего времени даже не зарегистрированы библиографически. Задача антологии, имеющей выйти в Издательстве писателей,—воскресить поэтов Вольного общества именно как цельную группу, как своего рода литературную школу, единую по своему составу и идеологии. В книге будет собрано (полностью или частично) литературное наследие следующих поэтов: Пнина, Востокова, Беницкого, Каменева, Борна, Попугаева, А. Волкова, Н. Радищева, Остолопова, А. Измайлова, Д. Бринкена, Ф. Ленкевича, В. Красовского, М. Михайлова, И. Аристова, И. Кованько, Ф. Вронченко, С. Капниста, Н. Судакова, А. Олешева, В. Вельяминова-Зернова, С. Москательникова, А. А. Писарева и др. Это—первый состав Вольного общества, примерно в 1810—1811 гг. Общество фактически распалось и вновь возродилось уже в качестве вполне беспартийного, полуофициального объединения, и литературно и идеологически стоявшего на нейтральных позициях (стихотворения поэтов, вступивших в Общество в этот второй период его существования, в сборник не включаются).

В процессе работы над книгой были обследованы различные архивные фонды. Обследование это неожиданно дало очень богатые результаты. Наиболее ценные литературные и документальные материалы были извлечены из архива Вольного общества (хранящегося в библиотеке Ленинградского университета), из архива А. Х. Востокова (в Академии Наук СССР), из отдельных собраний Института Русской Литературы Академии Наук СССР, Ленинградской Публичной Библиотеки, Ленинградского отделения Централрхива и др. В результате архивных разысканий в книжке будут опубликованы неизв-

ные доселе стихотворения Пнина, Востокова, Попугаева, Борна, Волкова, Измайлова и других поэтов, а также будут внесены существенные исправления и дополнения в печатные тексты. Материалы протоколов Вольного общества дали возможность установить точные датировки и проследить «творческую историю» отдельных произведений.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ РАДИЩЕВА

В настоящее время идет подготовка к изданию полного собрания сочинений А. Н. Радищева. Как известно, вышедшие до сих пор собрания сочинений не исчерпывают даже всего известного в печати литературного наследия первого русского революционного мыслителя. К тому же издания эти, вышедшие почти одновременно после первой революции, когда снят был запрет на «Путешествие из Петербурга в Москву», давно исчезли с рынка. После Октябрьской же революции до сих пор не появилось даже ни одного издания «Путешествия».

Настоящее издание охватит все напечатанные и известные рукописные произведения Радищева. Кроме того в отделе «Dubia» будут собраны сочинения, приписываемые Радищеву с более или менее достаточными основаниями. Таким образом радищевских текстов окажется значительно больше, чем в предыдущих публикациях, и все издание займет около 100 печатных листов, распределенных на три тома. Принцип расположения материала—хронологический; исключение сделано только для стихотворных произведений, частично не поддающихся даже приблизительной датировке и объединенных в один отдел в конце первого тома. Таким образом в первый том войдут все произведения Радищева периода до ссылки и стихи, во второй—произведения сибирского периода и по возвращении и, наконец, в третий—материалы биографического порядка (записки, письма, следственное дело и т. п.).

Аппаратуру издания составят: вводная статья, история Вольного общества, отдельные критико-биографические очерки о каждом поэте, а также библиографический, историко-литературный и реальный комментарий к текстам. В значительной своей части история общества, биографические очерки и комментарии строятся на неизданных материалах.

Издание готовится бригадой секции по изучению революционного движения XVIII—XIX вв. при Ленинградском отделении Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев в составе Я. Л. Барскова, Г. А. Гуковского и И. М. Троицкого. Принципиальное согласие принять на себя общую редакцию издания дал И. К. Луппол. В отличие от всех прежних изданий, текст будет сопровождаться реальным комментарием, словарем и указателем. Кроме того тексту будут предпосланы вводные статьи. Предполагаются следующие темы:

1) И. К. Луппол—Философские взгляды Радищева, 2) И. М. Троицкий—Общественно-политические взгляды Радищева, 3) Г. А. Гуковский—Радищев и публицистика второй половины XVIII в., 4) Я. Л. Барсков—Биографическая канва Радищева.

Издание осуществляется Издательством Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. Первый том должен выйти в свет в конце текущего года.

Одновременно издательством «Academia» предпринято новое издание «Путешествия из С.-Петербурга в Москву» под общей редакцией В. И. Невского. В издание войдут: точно воспроизведенный текст первого издания с вариантами из рукописей; обзор рукописей и списков, а также сохранившихся экземпляров первого издания; очерк истории цензурных гонений на сочинения Радищева; примечания, указатели и вводные статьи Я. Л. Барскова и В. И. Невского.

ИЗДАНИЕ ПИСЕМ НОВИКОВА

Издательством «Academia» предпринято издание «Писем Николая Ивановича Новикова», собранных Я. Л. Барсковым, Н. П. Киселевым и покойным Б. Л. Модзалевским, под редакцией В. И. Невского. Всех писем 151: из них 51 найдено вновь. Они охватывают жизнь и деятельность Новикова с 1773 г. до его кончины (1818) и распадаются на три группы: первая относится к петербургскому периоду

(1773—1779), в ней 8 писем; вторая—к московскому (1779—1792), в ней 21 письмо; третья—к деревенскому (1797—1818), когда Новиков, по выходе из тюрьмы (1792—1796), жил в родовом своем поместье, в селе Тихвинском; в этой последней группе 122 письма; они и представляют наибольший интерес. Принято думать, что катастрофа 1792 г. и заключение в Шлиссельбургскую крепость сло-

мили Новикова и круто изменили его мировоззрение; до 1792 г. это—энергичный либерал, прогрессист, организатор общественной самодеятельности, демократ; через 5 лет он опустился, впал в обскурантизм, замкнулся в кругу темных людей, мистиков и реакционеров: Лабзина, Ключарева, Рунича. От этого заблуждения следует отказаться. Жестокая кара, постигшая Новикова в 1792 г., не прошла для него бесследно, расшатала его здоровье, оборвала его издательскую и книгопродавческую деятельность, ввергла его

в тяжелую нужду и задолженность; но его морально-религиозные взгляды, его социально-политические убеждения остались прежними и только окрепли под влиянием «огненных крестов». Письма из Тихвинского, подобно «Исповеди» Руссо, освещают весь жизненный путь Новикова, дают цельный и законченный образ самого деятельного и наиболее влиятельного из русских масонов XVIII в.; вступив на этот путь в 1775 г., Новиков остался ему верен до гроба.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ИВАНА ПНИНА

Литературное наследие Ивана Петровича Пнина (1773—1805) до настоящего времени остается известным только немногим специалистам-исследователям русской публицистики и литературы конца XVIII, начала XIX в. За пределами этого узкого круга самое имя Пнина если известно, то только понаслышке. Между тем в ряду русских вольнодумцев Пнин имеет преимущественное право на внимание.

В истории становления и развития ранних радикально-буржуазных идеологий деятельность Пнина—одна из интереснейших и поучительнейших страниц. Занимая крайнюю позицию на левом фланге русских либералов 1790—1800-х годов, развивая с большой последовательностью и глубоким убеждением идеи материалистической философии, резко критикуя социально-политические основы феодально-крепостнического строя, Пнин является как бы связующим звеном между Радищевым и декабристами. Широка и принципиальность социальной критики Пнина, его гражданский пафос и незаурядное литературное дарование заслуживают того, чтобы напомнить о них современному читателю. Эту задачу взяло на себя Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, поручившее В. Н. Орлову подготовить к печати и прокомментировать «Собрание сочинений Ивана Пнина».

Пнин не принадлежит к числу плодотворных писателей; его литературное наследие (дошедшее до нас к тому же не полностью) в количественном отношении очень незначительно и составляет один небольшой томик. Но тем не менее проблема издания сочинений Пнина довольно сложна по причинам: 1) почти полного отсутствия рукописного фонда (за исключением двух-трех автографов), 2) недостоверности печатных текстов (особенно это относится к стихотворениям, напечатанным после смерти автора) и 3) крайней

скудости биографических данных о Пнине, на основании которых можно было бы установить его авторство во многих спорных случаях и проследить «творческую историю» отдельных произведений. Кроме того сочинения Пнина до настоящего времени не только не были ни разу собраны воедино, но и не были учтены в полном составе.

Издание Общества политкаторжан дает текст всех известных произведений Пнина в стихах и прозе. Просмотр журналов 1790—1800-х годов и архивные разыскания дали возможность ввести в научный оборот несколько новых текстов, установить в иных случаях новые (и более авторитетные) редакции, а также доставить некоторые новые материалы для биографии автора.

Состав издания следующий:

Отдел I. Сочинения Пнина.

1. «Моя лира. Полное собрание стихотворений» (заглавие принадлежит самому Пнину: так он предполагал назвать сборник своих стихотворений, не вышедший в свет). Сюда вошло 43 пьесы, в том числе две неизданных. Первая—«Бренность почестей и величий человеческих» («Тот ныне царь—вселенной правит...»). Стихотворение это не было пропущено в печать цензурой (в 1805 г.). Вторая, в которой осмеивается Александр I и его министры, также не пропущенная цензурой, приводится полностью.

КАРРИКАТУРА

(подражание Англинскому)

Что это кумушка? сказал медведь
лисице,
Смотри пожалуй: Лев наш едет
в колеснице
И точно на таких, каков и сам он,
Львах!
Не уж-то пошли они в упряжку
сами,

Не уж-то силою? Они ведь тож
с кохтыми?

Ты слеп стал куманёк: он едет на
ослах!

Из других существенных дополнений отметим также исключенные цензурой пять строк из оды «Человек».

Скажи? Но ты в ответ вещаешь,
Что ты существу не обретаешь,
С небес которые-б сошли,
Тебя о нуждах известили
Тебя бы должностям учили
И в совершенство привели.

В печатном тексте стихи эти были заменены пятью строками точек.

2. Статьи, фельетоны и редакционные примечания, преимущественно из «Санктпетербургского журнала», издававшегося Пниным (совместно с А. Ф. Бестужевым) в 1798 г. (большинство статей, помещавшихся в «Санктпетербургском журнале», не подписано, принадлежность иных из них Пнину устанавливается в данном издании впервые).

3. «Вопль невинности, отвергаемой законом». Печатается по неизвестному прежде автографу (парадная рукопись, поднесенная Пниным Александру I,—из б. Эрмитажного собрания манускриптов). В новом автографе содержатся некоторые варианты и разночтения (преимущественно стилистического порядка), сравнительно с текстом, опубликованным в 1889 г.

4. «Опыт о просвещении относительно к России». Печатается с обширными дополнениями, сделанными Пниным для второго издания «Опыта» и непропущенными в печать цензурой (сохранились в копии в б. Московском архиве Министерства юстиции). Дополнения эти, полностью публикуемые в данном издании впервые, имеют весьма существенное значение для понимания социально-политической позиции Пнина, особенно по вопросу о крепостном праве.

Отдел II. Приложения.

1. Стихотворения и статьи (из «Санктпетербургского журнала» 1798 г.), которые по тем или иным основаниям можно приписать Пнину.

2. Переводы из сочинений Гольбаха, напечатанные в «Санктпетербургском журнале» 1798 г. Включение этих перево-

дов в состав издания имеет очевидный смысл, поскольку Пнин был единственным «русским гольбахянцем конца XVIII века»; идеи Гольбаха оставили заметный след на всей литературной и публицистической практике Пнина (в его журнале появились в переводе три главы из «Системы природы» и восемь глав из «Всеобщей морали», факт этот был установлен И. К. Лупполом. См. «Под знаменем марксизма» 1925, № 3).

3. Стихотворения на смерть Пнина. Здесь собраны стихотворения К. Батюшкова, Н. Радищева, Н. Остолопова, А. Измайлова, С. Глинки, А. Варенцова, А. Писарева. Безвременная смерть Пнина была до некоторой степени фактом не только биографическим, но и литературным. Пнин пользовался исключительным влиянием и приязнью в кругу «Радищевцев»—молодых писателей-радикалов, объединившихся в Вольное общество любителей словесности, наук и художеств (незадолго до смерти он был избран председателем Общества). Смерть Пнина была для Общества тяжелой потерей и отмечена в целом ряде стихотворных и прозаических «некрологий» (а также специальным траурным заседанием Общества). Стихи на смерть Пнина, рисующие его как «поэта-гражданина», «не боявшегося правду говорить», память которого «перейдет в потомство»,—отлично передают настроения кружка и являются естественным дополнением к собранию сочинений Пнина.

4. Некролог Пнина, написанный Н. П. Брусиловичем.

Сочинения Пнина сопровождаются комментарием био-библиографического, социально-исторического, историко-литературного и реального порядка. К комментарию прилагаются: 1) Биография Пнина, написанная в значительной мере на основании новых материалов (заново выясняются связи Пнина с отцом—кн. Н. В. Репниным, кн. А. Чарторижским, В. С. Сопиковым и др., его служебные и цензурные отношения и пр.). 2) Библиография всего написанного о Пнине и роспись содержания «Санктпетербургского журнала» 1798 г. Общая характеристика Пнина, его философских и социально-политических мнений дается в вводной статье И. К. Луппола. Место и роль Пнина в литературном движении его времени выясняется в статье В. Н. Орлова «Пнин-писатель».

ВЕНЕСУЭЛЕЦ В ЕКАТЕРИНИНСКОЙ РОССИИ

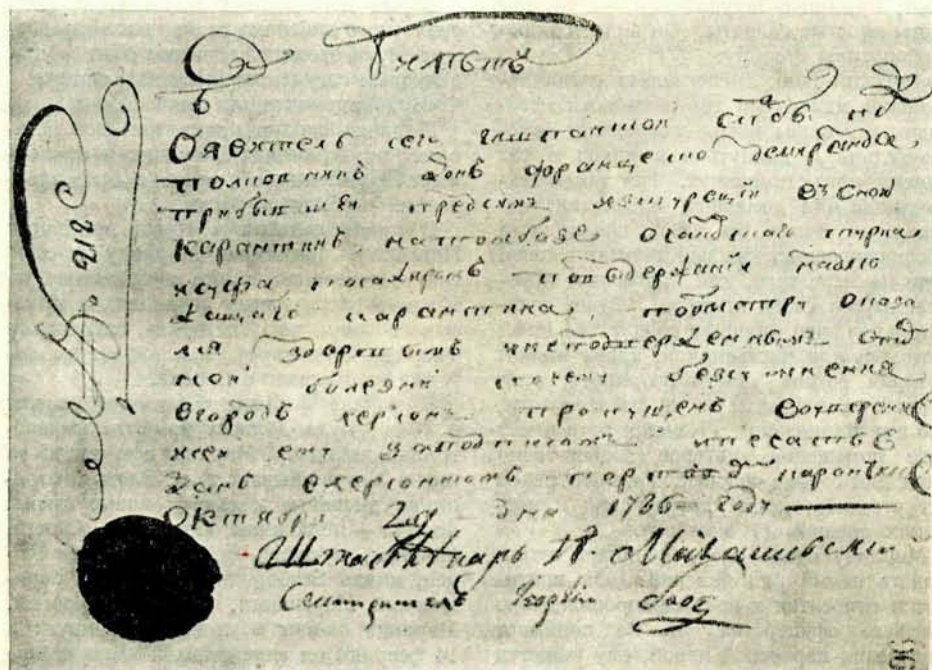
В 1922 г. североамериканским историком Робертсоном был обнаружен в Англии архив одного из знаменитейших

борцов за национальное освобождение Испанской Америки—Франциско Миранда. Спустя четыре года венесуэльское прави-

тельство откупило этот архив, перевезло в Каракас и создало по инициативе диктатора Гомеса специальную комиссию для опубликования его. До настоящего времени до нас дошли только два первых тома, которые закладывают бумаги, освещающие детство Миранды, и его дневники (Archivo del General Miranda. Viajes, diarios. Editorial sur America, Caracas 1929, v. I 1750—1785, p. XII—439, v. II 1785—1787, p. XVI—476). Большую часть второго тома занимает дневник Миранды, веденный им во время пребывания в России.

носимым». Миранда сидит дома, приводит в порядок свои заметки и ждет освобождения. У него хватает мужества сочувствовать тем, кто в худшем положении. В карантине оказываются «несчастные грузинские рабыни, которые только что прибыли из Константинополя, вытребованные Россией как ее подданные. Одна вот-вот родит, но навряд ли мать не умрет до родов от холода». Она все не рождает, и Миранда посылает ей вина и одеяло.

Наконец он на свободе; 11 ноября он уже гуляет по «улицам Херсона, которые

Билет-удостоверение, выданный генералу Миранда в Херсонском карантине в 1786 г.
 Из книги „Archivo del general Miranda“ (Vene-Zúela, 1929 г.)

Пропутешествовав несколько лет, побывав в САСШ, в Англии, в Пруссии, в Саксонии, в Австрии, в Венгрии, в Италии, в Греции, в Турции, генерал Миранда 7 октября 1786 г. прибыл в только что основанный и живший исключительно военной жизнью Херсон. Миранда надеялся, что рекомендательные письма, которые он привез с собой, позволят ему избежать карантина, установленного из-за чумной эпидемии в Турции. Это ему однако не удалось: срок был сокращен только на десять дней. До 9 ноября Миранда мужественно сносит тюремный режим карантина. Он спит на полу, окна в его комнате без стекол, «крыс столько, что это настоящая чума», «холода делают это дьявольское положение почти невы-

непроходимы из-за грязи, глубиной не менее чем в один фут».

На свободе привезенные им письма сразу оказывают магическое действие: иностранец принят военными-аристократами, находящимися в Херсоне: князь Вяземский рассказывает ему о путешествии в Испанию, князь Долгорукий очень любезен с ним, как и его жена. «Она,—замечает Миранда в скобках,— по происхождению еврейка, но для того, чтобы выйти замуж, крестилась, и это обстоятельство вместе с 50 000 рублей приданого сделали ее вполне приемлемой». Миранда посещает архиепископа Евгения, который преподносит ему только что вышедший из печати его перевод Virgilia на греческий язык, обедает

у вдовы молдаванского господаря Гики, осматривает окрестности, обращая особенное внимание на курганы, «искусственные холмики, которые называются м о г и л а (moguila), что значит гробница». Он принимает участие в обедах, игре в карты и в лото, в попойках.

Жизнь в крепости заставляет Миранду приглядеться к военному искусству и быту страны. Организация войск приводит его в восторг и вызывает неоднократные похвалы на страницах дневника. Ему нравится и то, что генералам дают имена («на римский лад») — Орлов-Чесменский, Румянцев-Задунайский, — и то, как одеты простые солдаты. Он видит однако и оборотную сторону:

«Русский полк представляет собой настоящий маленький город со всем необходимым, чтобы жить совершенно самостоятельно и двинуться в поход в тот момент, когда прикажут. Нет такой технической или домашней профессии, которая не имела бы здесь специалиста (их распределяет каждый капитан в своей роте по мере того, как прибывают новобранцы, по своей прихоти. Самое замечательное, что обучают солдат без иных учителей или наставников, кроме палки, которая готова упасть на спину, если солдат не научится и не сделает того, что ему приказано)... Каждая рота имеет свое помещение, которое недостаточно даже для сорока человек... Солдат редко ест что-либо, кроме хлеба, соли и кое-каких овощей» (1 октября).

Миранду очень скоро начинает оттачивать целый ряд явлений. Он критически относится к времяпрепровождению высшего офицерства, он не понимает увлечения карточной игрой, ему кажется «совершенно невероятным то количество водки с чаем, которое пьет этот старик стаканами». Еще меньше нравится венецуэлю политика екатерининских вельмож по отношению к инородцам. Этот вопрос особенно занимает его как представителя маленькой поработанной нации. Ему приходится узнать много горьких истин. Ему рассказывают, что итальянская колония почти ликвидирована — «из 13 000 человек осталось 250», что «дурное поведение русских офицеров» сократило количество татар в Крыму с 4 000 000 человек до тридцати тысяч, что «русские опустошили страну, срубая плодовые деревья на дрова, разрушая дома и мечети для той же цели». 15 декабря после долгих дружеских бесед с рядом лиц, он записывает:

«Я узнал в высшей степени интересные вещи. Дело в том, что русские насильно переселили отсюда (из Крыма) свыше 65 000 греческих и армянских семей (христиан,

по их словам) в Екатеринославскую губернию, чтобы заселить ее. В результате Крым остался совершенно разоренным и лишенным земледельцев. С другой стороны, область, которую они хотели заселить, уже представляет собой пустыню, потому что никто из этих несчастных мучеников не остался там; одни умерли, другие бежали в пограничные с Азией страны. Возможно ли, что еще происходят такие недопустимые вещи и что деспотизм не понимает гибельных результатов такой несправедливости и таких злоупотреблений!»

Взрыв негодования вызывает у венецуэльского либерала то, что рассказывающие ему об этом люди говорят об этом, как о мудрых государственных начинаниях:

«Будь проклята эта раса. Аминь!»

Миранда однако проклятие свое оставляет на страницах дневника и продолжает дружески беседовать с представителями «проклятой расы».

В конце декабря в Крым приезжает Потемкин, принимает Миранду в свою свиту, совершает с ним путешествие по Крыму, рассказывает и наглядно показывает ему всю историю завоевания Тавриды, повествует об осложнениях, которые это вызвало в Европе.

В начале февраля Потемкин спешит в Киев, куда должна прибыть императрица и весь двор. Миранда едет следом за ним и 7-го прибывает туда. Здесь на страницах дневника мелькают новые имена: поляки — полковник Потоцкий, Сапега, Мнишек, русские — фельдмаршал Румянцев, князь Безбородко, Шувалов, Бястинский, Нарышкин, иностранные послы. Миранда входит в придворные круги и 14 февраля он «представлен императрице князем Безбородко». Екатерину сильно заинтересовывает знатный иностранец, она часто и любезно беседует с ним о самых разнообразных предметах от арабской архитектуры в Гренаде до судеб иезуитов и инквизиции, посылает справляться о его здоровье, когда он несколько дней не является ко двору, и т. д. В конце концов она предлагает ему перейти на службу в русских войсках.

Однако Миранда из разных источников узнает о зависти, которую возбуждает в других отношении императрицы к нему, а князь Дашков, «у которого хватает смелости говорить такие вещи, которые никто другой в стране не осмелится сказать», открывает ему «бесконечные факты интриг и проделок этой [atalina—Екатерина]». Все это убеждает Миранду поскорее покинуть это великосветское, но очень уж грязное на его взгляд общество. Он окончательно убеждается в том, что дальнейшее пребывание здесь не принесет

ему ничего и не подвинет ни на шаг к основной цели его путешествия.

Дальнейшее его пребывание в Киеве уже носит характер почти вынужденного; 15 марта он выезжает в Канев, где встречается с польским королем. Станислав-Август очень заинтересовывает Миранду своей образованностью, начитанностью и настоящей культурой.

Через три дня он прощается с королем. Императрица делает еще одну попытку удержать его и передает ему через Потемкина, что «боится за него»; «под нерушимым секретом» венесуэлец рассказывает о причинах, которые заставляют его вернуться на родину, ждущую освобождения, и 1 мая выезжает в Москву.

В Москве Миранда живет в доме Румянцева, осматривает памятники искусства, очень интересуется архивами, беседует с митрополитом Платоном.

Через месяц он уже в Петербурге, где его ласково принимают «великие князя и знать». Но тут интриги, от которых он бежал из Киева, делают его своей жертвой. Поверенный в делах Испании Маканас делает все возможное, чтобы дискредитировать неприятного Испанию венесуэльца перед русским двором. Он обменивается резкими письмами с Мирандой и обиженный Мирандой жа-

луется Безбородко, что «он опаснейший враг Испании» и самозванец. Императрица велит передать испанскому послу, что «если она его [Миранду] ценит, то никак не за чины, которыми он награжден в Испании, а за его личные качества, которые ей лично известны и исключительно благодаря которым он приобрел ее уважение и покровительство».

Испанское посольство в союзе с французским и некоторыми другими открывает поход против Миранды, но императрица стоит на своем. 8 августа на прощальном обеде Безбородко передает Миранде последнюю просьбу императрицы:

«Ее величество просила передать, что так как испанцы хотят лишить его мундира, то, если он желает носить мундир полковника русской службы, не только никто не будет в претензии, но это доставит ей большое удовольствие».

Все это однако не могло отклонить Миранду от основной его цели, тем более, что и пребывание при русском дворе соблазняло его все меньше и меньше. Он спешно готовится к отъезду, совершает предварительно путешествие в Финляндию, выказывая еще раз определенный интерес к малым и порабощенным нациям, и 7 сентября садится на судно, направляющееся в Стокгольм.